К 90-летию коллективизации
Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР

И.А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РАНХиГС. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru

В статье рассматриваются историографические проблемы изучения причин и факторов, обусловивших процесс коллективизации сельского хозяйства в СССР в 1930-е годы. Статья носит обзорный характер и имеет целью систематизацию накопленного в российской научной исторической литературе материала и авторских наблюдений над историческими источниками. Выделяется комплекс предпосылок коллективизации. Внешние по отношению к крестьянству (деревне, сельскому хозяйству) предпосылки объясняют мотивы политического выбора, сделанного советским правительством на рубеже 1920-х — 1930-х годов в пользу данной политики. Внешние распадаются на доктринальные и прагматические. Доктриной, обусловившей курс на коллективизацию, был социализм. В статье определяется место радикальной коммунистической идеи большевиков в ряду других социалистических проектов объединения крестьян в производственные коллективы, которые существовали в России начиная с последней четверти XIX века. Прагматические предпосылки коллективизации были связаны со стремлением правительства получить сельскохозяйственные ресурсы для индустриализации и милитаризации народного хозяйства СССР в количестве, превышающем возможности рыночного эквивалентного обмена. Коллективизация имела также предпосылки внутри деревенского социума, которые помогают понять, почему данный политический курс смог реализоваться. Среди них автор делает акцент на особенностях менталитета и политической культуры российского крестьянства.

Ключевые слова: аграрная история, коллективизация, социализм, крестьянство, индустриализация в СССР

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-47-69

По количеству написанного историками коллективизацию сегодня можно отнести к числу хорошо разработанных тем отечественной истории. Однако вопрос, «почему в крестьянской стране удалась антикрестьянская политика Сталина», не уходит, возникая в научных и общественных дискуссиях снова и снова (Кондрашин, 2012: 458). Не будучи узким специалистом по данной теме, не углубляясь в историографию, которая требует специального внимания и успешно изучается (Кедров, 2014; Кедров, 2016; Кедров, 2017 и др.), не претендуя на открытие новых источников, но опираясь

на уже известные, в данной статье я попытаюсь предложить свою интерпретацию причин и предпосылок этого исторического события, начавшегося 90 лет назад. Статья носит обзорный характер и представляет взгляд на проблему с «высоты птичьего полета», лишь иногда опускаясь до прорисовки отдельных деталей и акцентированию отдельных вопросов.

Коллективизация в контексте аграрной истории

Коллективизация — это процесс объединения крестьян в производственные коллективы. Осуществленная тотально, в короткий срок в течение 1930-х годов, коллективизация вызвала тектонические сдвиги в сельскохозяйственном производстве, социальной организации и в жизни деревни в целом. Во-первых, она имела следствием исчезновение традиционного крестьянского (семейно-трудового) хозяйства, на месте которого образовались два производственных сектора: крупные хозяйства (колхозы) и мельчайшие (карликовые) личные приусадебные хозяйства колхозников (ЛПХ). Во-вторых, коллективизация положила конец многовековой истории крестьянской общины. В-третьих, она поставила сельское хозяйство, деревню и сельских жителей под контроль государственной власти, контроль настолько плотный и всеобъемлющий, какого не было в предшествующие исторические эпохи. Прежде роль государства сводилась, в сущности, к назначению и взиманию налогов, тогда как объем и характер аграрного производства определялись самими производителями, организация хозяйства — хозяевами, а стоимость продукции и уровень товарности хозяйства — рынком. Причем это относится не только к положению, существовавшему до Революции 1917 года, но, с определенными оговорками, это верно и для крестьянских хозяйств в крепостных имениях, и для собственно помещичьих хозяйств до 1861 года, и для крестьян в период НЭПа. После коллективизации государственная аграрная политика стала основным, если не единственным фактором, определяющим аграрное производство, включая как принципы его организации, управления, так и технико-технологические аспекты, а также уровень изъятия продукции, механизмы его распределения, объемы потребления и почти все стороны сельской жизни в масштабах страны. Иными словами, коллективизация привела к огосударствлению сельской экономики и общества. Тем самым, в-четвертых, она положила начало глубоким переменам в общественном сознании, менталитете, трудовой этике, культуре сельских жителей и всего советского социума.

Оценки коллективизации и ее последствий могут кардинально различаться в зависимости от идеологических позиций и научных убеждений участников дискуссий. Однако в современной историографии накоплено достаточно фактов и наблюдений, позволяющих

по крайней мере аргументированно отклонить некоторые явно неадекватные трактовки.

- Коллективизация происходила добровольно, проводилась самим крестьянством или при поддержке большинства крестьян, а принуждение при создании колхозов было «искривлением» партийной линии и отдельными «перегибами на местах» — это не так. Ближе к истине тезис, что коллективизация была «революцией сверху», которая, вопреки сталинскому утверждению, имела поддержку лишь небольшой части крестьян. Принуждение и насилие были повсеместны, использовались с одобрения властей всех уровней и задавались общей логикой сталинской политики.
- Коллективизация проводилась на основе некоей продуманной программы, имела научно обоснованный организационный план, материально-техническую базу в виде тракторов и другой сельскохозяйственной техники — такой представлялась идеальная коллективизация теоретикам коммунизма, но это представление не имеет ничего общего с реальными процессами в СССР 1930-х годов. Подготовка к коллективизации велась главным образом пропагандистски. В экономическом, техническом, организационном плане коллективизация представляла собой экспромт. Производственной базой создававшихся колхозов выступали крестьянский скот, инвентарь и постройки, принципы организации и оплаты труда при создании колхоза были неизвестны ни колхозникам, ни руководителям, севооборот на колхозных полях первые годы, как правило, оставался хаотическим и т. д.
- Коллективизация проводилась государством в интересах крестьянства — для такого утверждения также нет оснований. Навязанная насильно, коллективизация привела к огромным жертвам среди крестьян и разрушениям производительных сил сельского хозяйства. Учитывая масштаб потерь, в современной историографии распространены трактовки коллективизации как военных действий (война государства с крестьянством, продолжение Гражданской войны). Что касается интересов крестьянства, то они были недвусмысленно выражены в момент Революции 1917 года и в годы Гражданской войны — это интересы индивидуального, мелкого частного хозяйства, включенного в рыночную экономику. Разумеется, коллективизация им противоречила.
- Коллективизация вытекала из объективных закономерностей аграрного развития — необходимости укрупнения и модернизации хозяйства. Такой аргумент может иметь некоторую силу лишь в рамках социалистической доктрины. Если же выйти из этих рамок, становится очевидным, что в странах, где у власти не было коммунистических или радикально социалистических правительств, не было и коллективи-

зации. Вне коммунистической политики закономерностью аграрной эволюции является развитие на основе частного хозяйства и рынка, при котором также происходит укрупнение, специализация, кооперация и техническая модернизация сельскохозяйственного производства, однако, как свидетельствует опыт XX века, с меньшими издержками и большей отдачей, нежели в рамках коллективистской модели. Следовательно, коллективизация — это не объективная закономерность, а результат политического выбора.

Из сказанного выше не следует, что единственной причиной коллективизации сельского хозяйства в СССР была политика, проводившаяся коммунистической партией, и что вся история коллективизации есть лишь следствие реализации этой политики. Как всякое крупное историческое событие или явление, коллективизация не сводится к какой-то одной причине, но обусловливается целым комплексом факторов и обстоятельств, сложившимся в данной стране в данное время.

Доктринальные предпосылки коллективизации

Доктринальные предпосылки коллективизации вытекают из основ коммунистической/социалистической теории, уходя корнями, по крайней мере, в XIX век, когда понятия «коммунизм» и «социализм» еще не являлись партийными и нечетко дифференцировались, особенно в русском языке, для которого они выступали заимствованными иностранными словами. Для обозначения коллективного хозяйства в русской литературе могли использоваться различные термины: товарищество, артель, ассоциация, кооператив, коммуна. В любом случае, социализм всегда видел решением «аграрного вопроса» коллективное земледелие как необходимый элемент общей коллективистской организации общества. «Форма, находимая для производства теорией трудящихся, есть товарищество. <...> Форма товарищества трудящихся... должна быть признана формою самого успешного производства», — постулировал Н.Г. Чернышевский в 1860 году в статье «Капитал и труд» (цит. по: Творцы кооперации, 1991: 132–133). Убежденность социалистов в превосходстве коллективной формы хозяйства неверно отождествлять с марксизмом. Марксизм являлся лишь частью, хотя и самой авторитетной, более широкого потока социалистической мысли, для которой идеал коллективного земледелия был очевиден и до Карла Маркса, и позже — вне марксизма.

Первые сведения о создающихся в разных губерниях России сельскохозяйственных артелях распространяются в российской печати в 1870-е годы. Они питали надежды социалистов-народников на возможность перестройки массового сознания и хозяйства крестьян уже в обозримом будущем. Как говорилось в «Прибавлении»

к 4-му номеру «Земли и воли»: «...Социалисты чувствуют под собой почву: они действуют во имя народных интересов, желаний, идеалов. За ними масса. Если же масса не поняла их сегодня, то поймет их завтра» (цит. по.: Карпачев, 1991: 208). Таким образом, приход крестьян к социалистическим идеям предполагался гарантированным, но требующим некоторого времени.

На волне «хождения в народ» и моды на социалистические идеи даже официозная «Земледельческая газета» в 1875 году предоставила свои страницы для изложения проекта артельного переустройства крестьян. Автор, скрывшийся под псевдонимом Г.А.В.О., разделял исходный пункт социалистической доктрины: «Не подлежит сомнению, что совокупный труд всегда выгоднее одиночного, и если только можно его организовать благоразумно и на прочных основах, то отдельным личностям невозможно с ним конкурировать» (Г.А.В.О., 1875: 51). Вероятно, автор был не из среды народников-разночинцев, скорее можно предполагать в нем начитанного дворянина-землевладельца, что придает его проекту особый интерес. В отличие от партийных социалистических авторов, которые всегда дистанцировались от ассоциаций с крепостничеством и делали упор на добровольность коллективизма, Г.А.В.О. видел организацию труда в артели по образу крепостного барщинного имения, о чем прямо писал: «Каждый член сельской ассоциации обязуется работать на общество три дня в неделю с своим орудием и лошадью. Он принимает в отношении своего общества те же обязательства, которые он имел во времена господской барщины, то есть если семейство состоит из 4-х рабочих душ, то двое работают на общество, а двое на себя; если же рабочий одиночка, то ему придется работать на общество в неделю всего три дня, остальные три дня он волен работать на себя. Точно так же исполняют свои обязанности и взрослые женщины» (Там же: 53). Отсылка к опыту крепостного хозяйства снова возникала при разъяснении вопроса, кто мог бы стать выборным управляющим: «Между крестьянами найдутся люди опытные и распорядительные по части сельского хозяйства, до сих пор есть между ними такие, которые во время крепостного права служили у помещиков старостами и бурмистрами и отлично заправляли хозяйством» (Там же). Г.А.В.О. выражал «сомнение, чтобы такая сельскохозяйственная артель была когда-либо создана самими крестьянами; сами они никогда не решатся приступить к таким основным преобразованиям своего быта» (Там же: 54). Но из этой трезвой оценки делался не тот вывод, что идею крестьянской артели следует отставить, а тот, что ее воплощение должно стать задачей государства. Обосновывалось это нарастанием кризисных явлений в крестьянском хозяйстве Нечерноземья и необходимостью правительства заботиться об общем благе: «Ввиду же постоянного упадка крестьянского хозяйства и постоянно возрастающих на крестьянах правительственных и частных недоимок, преобразование настоящего их хозяйства есть дело не-

обходимое, не терпящее отлагательства; поэтому вопрос этот делается общим, государственным, и инициативу преобразования должно взять на себя правительство» (Там же: 54). Иными словами, на пути коллективизации уже в 1875 году некоторая часть землевладельческого класса видела решение проблем модернизации хозяйства и крестьянской бедности. При этом переход к коллективизации предполагался возможным только сверху, а само коллективное хозяйство представало некоей самоуправляющейся барщиной с выборным начальником и уравнительным распределением продуктов труда по душевым земельным наделам.

Экономисты-народники предпочитали видеть в коллективном хозяйстве не повторение барщины, а перспективы развития общины. Предпосылкой для коллективизации в этом варианте считался «корпоративный общинный дух». Н.А. Карышев в своих лекциях студентам Московского университета 1880-х годов так рисовал будущее общинного крестьянства: «Ответ на это дают некоторые, немногочисленные еще пока, правда, общины, прокладывающие новый путь и указывающие на будущее общины, если она не будет поглощена частной собственностью. Я говорю про те общины, которые завели у себя артельную обработку земли сообща — с разделом продуктов между своими членами. В этой форме общины нет более ни принудительной обработки, ни чересполосицы, ни потери массы земли под межниками и дорожками, ни карликовых участков. В ней зато может быть доведено до высшей степени разделение труда, мир может сообща применить улучшенные земледельческие орудия и машины, сообразно степени своей обеспеченности менее и более дорогие, а следовательно, и чистый доход общинных земель должен несомненно увеличиться. Не надо забывать, что для обращения общины передельной в общину артельную необходимо имеется налицо тот корпоративный общинный дух, составляющий характерную черту нашего крестьянства, который едва ли встречается в такой мере у мелких собственников Западной Европы» (Карышев, 1889: 108–109). Тут же задача «введения в общинах артельной обработки» включалась Карышевым в число «ближайших задач русской земельной политики». Отметим, что тезис об общине как предтече колхоза зазвучал в советской историографии с 1960-х годов, против него выступал В.П. Данилов (Кедров, 2019: 16–17).

Попытки коллективизировать крестьян не раз предпринимались в порядке личной инициативы отдельных энтузиастов. Одной из наиболее громких для своего времени была деятельность адвоката Н.В. Левитского по массовой организации крестьянских артелей в Херсонской губернии в середине 1890-х годов. В короткий срок в двух уездах при сочувствии и материальной поддержке местных земских деятелей им было создано более 100 земледельческих артелей. Выработанный им типовой договор членов артели (устав), проникнутый духом равенства и трудовой этики, стал предметом заинтересованного обсуждения в Вольном экономическом обще-

стве[1]; о нем писали в прессе, Карышев в 1895 году посвятил его разбору специальную статью в «Русском богатстве» (переиздание: Карышев, 1905: 195–233), что сделало этот эксперимент широко известным в стране. Результаты оказались отрицательными для сторонников идеи колхоза: большинство артелей не просуществовали и года, причем часть их были и вовсе фиктивными. Членство в артели открывало доступ к мелкому кредиту, который артельщики могли получить без залога и даже несмотря на наличие недоимок, что, очевидно, и было единственным стимулом для деревенской бедноты, — подписав артельный договор, крестьяне получали льготный кредит, делили его и расходились. После того как уездное земство облегчило доступ крестьянам к мелкому кредиту, артельное движение сошло на нет (Финал, 1899). Аналогичные явления получили затем распространение в годы НЭПа; в советской печати их называли «лжеколхозами»: крестьяне регистрировали создание коллектива, чтобы использовать в частном порядке различные государственные льготы, установленные для колхозов.

Идейными сторонниками артельного хозяйства были ученые-аграрники и помещики А.Н. Энгельгардт и И.А. Стебут, имевшие огромное влияние на широкие круги интеллигенции своего времени. Первый, будучи в ссылке, хозяйствовал в 1870–1893 годах в деревне Батищево Смоленской губернии, второй — в сельце Кроткое Тульской губернии в 1876–1905 годах, в свободное от основной работы время. Оба успешно вели собственные имения и пытались прививать окрестным крестьянам коллективистские начала. Энгельгардт в конце жизни разочаровался в способности крестьян к артельному труду. Стебут не сдавался и, отойдя в силу преклонного возраста от управления хозяйством, опубликовал в 1906 году свой проект переустройства сельского хозяйства страны на общественных началах, который он вынашивал много лет (Стебут, 1906).

Проект родоначальника московской агрономической школы является, наверное, наиболее серьезным из сочинений такого рода, выходивших на русском языке, и его детальный анализ требует отдельной статьи. Отметим лишь, что в его аргументации делался упор на экономической целесообразности объединения крестьян, так как размер существующего крестьянского хозяйства виделся Стебуту ниже оптимального, а часто и минимального. В его колхозе («общественной хозяйственной единице») предполагалось не полное обобществление, члены имели ЛПХ. Технологические инновации должны были поверяться экономическим расчетом, то есть предполагалось функционирование рыночной экономики. Обращалось внимание на необходимость «приближения» промышленности к селу, совмещения сельского хозяйства с промышленностью,

1. Текст документа см.: http://library.kr.ua/elib/zemart/zemart2.html (дата обращения: 20.08.2020)

а в желаемой перспективе виделась страна не с индустриализированным, но скорее с аграризированным народным хозяйством.

В этом пункте стоит отметить близость «общественных хозяйственных единиц» Стебута с community Р. Оуэна — ячейками социальной системы, члены которых соединяли занятие сельским хозяйством с промышленностью. В России такая модель перекликалась с идеалом «народного производства», в котором сельское хозяйство летом гармонично совмещалось бы с промыслами зимой, обеспечивая крестьян работой и доходом круглый год, — его в 1870-х — 1880-х годах активно продвигали В.П. Воронцов и экономисты-народники его круга (Воронцов, 2008: 51–336 и др.). В советское время экономисты-коммунисты также обильно теоретизировали по поводу преодоления различий между городом и деревней на базе различных форм интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, но уже делая упор на приоритет промышленности и города.

Стебут предполагал осуществление своего проекта в масштабах всей страны, в длительной исторической перспективе и сугубо на добровольной основе. При этом он достаточно подробно расписал перечень конкретных мер и шагов, которые должны были бы предпринимать правительство, наука и общественность для подготовки перехода к коллективному земледелию. Между тем к 1906 году в той среде, к которой обращался Стебут, артельные проекты уже выходили из моды. Новым знаменем эпохи была крестьянская кооперация, под которой понимались различные формы частичного коллективизма.

В годы столыпинской реформы, когда крестьянская община в России начала активно разрушаться, а вместе с ней стали таять надежды народников превратить эту форму социальной организации в производственный коллектив, идеи крестьянской кооперации придали народнической мысли второе дыхание. Если вообще правомерно использовать термин «неонародничество», то различие между ним и старым (классическим) народничеством заключается именно в этом: место крестьянской общины в социалистической доктрине заняла крестьянская кооперация. Накануне Первой мировой войны кооперативно-социалистические взгляды охватывали широкие слои российской интеллигенции, политического класса и чиновничества (Коцонис, 2006; Островский, 2016: гл.7).

Наибольшие трудности в осмыслении деревенской действительности испытывали марксисты. Среди других теоретиков социализма Маркс занимался разработкой «аграрного вопроса», пожалуй, в наименьшей степени, и аграрная часть его доктрины постоянно вызывала разногласия. В картине мира ортодоксального марксиста не было места для крестьянства как такового: крестьянство по мере развития капитализма должно было распадаться на классы буржуазного общества и подвергаться экспроприации. Социализм

в этой парадигме представлял собой индустриальное общество, хозяйство которого базируется на крупных государственных предприятиях, работающих по единому общегосударственному плану; в сельском хозяйстве этому соответствовала модель совхоза. Принять идею колхоза можно было лишь в качестве временной переходной формы к совхозу. В действительности же крестьяне существовали, и в массе своей не только не хотели исчезать, превращаясь в батраков, но и не выказывали ни малейшего стремления к коллективизации. Разрыв между доктриной и действительностью невротизировал марксистов.

В европейской социал-демократии со второй половины 1890-х годов преодоление марксистских комплексов в «аграрном вопросе» пошло путем принятия реальности и прагматизма: в аграрных программах рабочих партий стали появляться пункты о поддержке крестьянской кооперации. В теории это не отменяло коллективизации как цели, но отдаляло ее воплощение. Различные виды кооперативов (кредитные, закупочные, сбытовые, производственные) и их объединения стали рассматриваться социалистическими теоретиками как последовательные стадии кооперирования, проходя которые крестьянское хозяйство и сельское хозяйство страны в целом восходит к все более и более полному обобществлению, без экспроприации. Кажется, впервые модель постепенного перехода от простейших кооперативов к коллективному земледелию была отчетливо сформулирована в работе австрийского социал-демократа Ф. Гертца (Гертц, 1900: 277–293). В России эту идею пропагандировал Карышев (Карышев, 1905: 190–195); позднее в советской и постсоветской историографии она получила известность под псевдонимами «ленинского кооперативного плана» и «бухаринской альтернативы» коллективизации.

В реальности рост кооперации и кооперативных союзов ни в одной стране не привел крестьян в колхоз. Кооперация, по-видимому, вообще не имеет отношения к идее коллективного земледелия, выступая формой экономического взаимодействия субъектов в рыночной среде, надстройкой над частным хозяйством, которую этому хозяйству выгодно строить лишь в определенных обстоятельствах и до определенной степени. В России после Революции это доказывал А.В. Чаянов (Чаянов, 1991: 374–389).

Революция 1917 года привела к власти в России партию радикальных коммунистов, попытавшихся реализовать программу ортодоксального марксизма. Они воспользовались энергией крестьянского бунта, но длительного сосуществования с крестьянством не предполагали. Кооперация виделась им не социалистическим, а буржуазным институтом, поэтому она была огосударствлена и ее организационный аппарат пытались приспособить для нерыночного распределения продуктов в условиях продовольственной монополии. Уже с конца 1918 года на подконтрольных территориях большевики принялись осуществлять коллективизацию путем наса-

ждения коммун и создавать совхозы на базе крупных национализированных имений. Создание посевкомов и попытки обобществления семенного фонда в конце Гражданской войны свидетельствовали о готовности правительства перейти к непосредственному контролю над производством и планированию в сельском хозяйстве даже при номинальном сохранении крестьянского хозяйства. Разрыв между коммунистическим идеалом и действительностью большевики пытались преодолеть отрицанием действительности и насилием, но их сил тогда не хватило. Крестьянские восстания, экономический коллапс и голод 1921–1922 годов вынудили ленинское правительство объявить НЭП.

«Крестьянский Брест» был поражением коммунистической идеи. Это отчетливо поняли экономисты либерального направления (Бруцкус, 1995; Литошенко, 2001). Однако осмысления этого факта в правительственной социалистической мысли не произошло. Хотя Ленин в последних работах, как можно полагать, пытался взять на вооружение «ревизионистскую» идею добровольной крестьянской кооперации как постепенного пути к социалистическому хозяйству, в кругу партийных вождей и рядовых коммунистов эта теория не укоренилась. В идейной борьбе к концу 1920-х годов верх снова взял ортодоксальный марксизм, считавший крестьянство «последним буржуазным классом», без победы над которым не будет социализма. По мере возрождения крестьянского сельского хозяйства и экономического усиления деревни, в среде коммунистов нарастало желание взять у крестьян реванш за поражение «военного коммунизма».

Не исключено, что потенциал идейной эволюции и постепенного уврачевания синдрома Гражданской войны у коммунистов имелся — в 1920-е годы оформлялась группа правых коммунистов и хозяйственных руководителей, освоивших принципы рыночной экономики, а также старых специалистов, агрономов и экономистов умеренно-социалистического направления, — но для реализации этой возможности не хватило времени и политического влияния крестьянства. В условиях диктатуры крестьянство не имело институциональных возможностей влиять на политический курс государства. Марксисты же считали себя партией пролетариата, а не крестьянства, обреченного на исчезновение.

Так или иначе, к моменту начала сплошной коллективизации для всех советских коммунистов, в равной мере как сталинской, так и не-сталинской фракции, было азбучной истиной, что «социалистическая организация общества предполагает организацию крупного обобществленного хозяйства не только в городе, но и в деревне» (Рыков, 1990: 437). С обобществлением и укрупнением связывались надежды на технологическую модернизацию и быстрый рост производства сельскохозяйственной продукции. Иной путь развития — частное хозяйство в условиях рынка — означал капитализм и поэтому был неприемлем.

Прагматические предпосылки коллективизации

Экономическая политика большевистского правительства и в годы Гражданской войны, и в годы первых пятилеток являла собой сложный сплав программных установок ортодоксального марксизма с ситуативными решениями задач текущего момента. Это обстоятельство нередко создает трудности для исследователей и не раз служило причиной дискуссий в историографии: какой фактор считать первичным. В частности, существует мнение, что в ходе коллективизации «в действительности все определялось не идеологией, а практикой “социалистического строительства”, которое он (Сталин. — *И.К.*) осуществлял» (Кондрашин, 2012: 465). Вряд ли это верно, ведь если бы не было идеологии, не было бы никакого социалистического строительства, ни в кавычках, ни без. В чем же состоял прагматизм политики коллективизации? Прежде всего в том, что она решала задачу централизованного изъятия из деревни ресурсов, которые направлялись на индустриализацию.

Политика централизации и государственного вмешательства в хозяйственную жизнь в области закупок и распределения продовольствия началась в России еще в ходе Первой мировой войны. Война разрушала рыночные отношения. Ради снабжения армии, городов и хлебопотребляющих районов Нечерноземья государство постепенно переходило к политике изъятия и распределения продовольствия нерыночными методами: царское правительство с 1915 года устанавливало твердые закупочные цены, в 1916 году ввело нормы обязательной продажи по фиксированным ценам (продразверстку), Временное правительство в 1917 году — хлебную монополию. Большевистское правительство, применяя насилие, лишь последовательно реализовало эту политику и попыталось сделать следующий логический шаг: поставить под государственный контроль и само производство, которое сокращалось. Этого требовали одновременно и ситуация, и коммунистическая доктрина.

Ситуация изменилась в 1921–1922 годах, и, хотя доктрина продолжала требовать перехода к нерыночной экономике с единым государственным планом, большевистское правительство сменило курс. К этому времени руками крестьян было уничтожено помещичье (крупное товарное) хозяйство, политикой продразверстки были уничтожены стимулы к товарному производству в крестьянском хозяйстве, а коллективные формы хозяйства крестьянами были отвергнуты — и голод накрыл уже не столицы, как это было в 1918–1919 годах, но саму деревню в хлебопроизводящих регионах. В переходе к НЭПу прагматизм, безусловно, одержал победу над доктриной.

В течение 1920-х годов правительство постоянно сталкивалось с той же проблемой: как получить больше денег, чем мог дать эквивалентный обмен между крестьянским (частным) сельским хозяй-

ством и государственной промышленностью в рамках рынка. Политика хлебозаготовок, возникавшие на этой почве кризисы НЭПа и фактический возврат к методам продразверстки к концу 1920-х годов хорошо описаны в работе В.А. Ильиных (Ильиных, 2010). На рубеже 1920-х — 1930-х годов нэповский механизм изъятия был окончательно разбалансирован и сломан, поскольку возросли запросы государства. Требовался капитал для ускоренной индустриализации. Основным сельскохозяйственным ресурсом являлся хлеб, превращаемый государством: а) в питание для рабочих и служащих; б) в средства производства, закупаемые за рубежом на валюту. Вторым ресурсом села выступали люди, превращавшиеся в рабсилу госпредприятий и строек.

Особенность советской индустриализации заключалась не только в искусственно форсированных темпах, но и в направлении капиталовложений — строились в первую очередь те предприятия и отрасли, которые составляли военно-промышленный комплекс или обеспечивали его функционирование. Иными словами, огромная часть продукции создаваемой новой промышленности не выходила на рынок, ее заказчиком выступало само государство, а сферой ее конечного потребления должна была стать война. Советскому государству требовалось гораздо больше ресурсов, чем оно могло купить у крестьян, поэтому был взят курс на слом рынка, а затем на создание нового административно-хозяйственного механизма, который позволял бы систематически изымать ресурсы из деревни, без эквивалента и по потребности. Колхозы наряду с совхозами стали важнейшим элементом этого механизма. На них возлагались надежды и в плане повышения производительности сельского хозяйства, и в плане повышения доли изъятия. С этой точки зрения коллективизация имела инструментальное значение. Она виделась необходимой для того промышленного рывка, который осуществлял Сталин в первой пятилетке. Однако остановиться на этой констатации добросовестный историк не может. Для понимания причин коллективизации и оценки ее исторического значения важен вопрос: чем обусловливалась потребность в форсированной милитаризации экономики СССР? Вопрос правомерен, так как ни в момент перехода к коллективизации, ни в годы ее осуществления СССР не вел войны.

В парадигме советской историографии такой вопрос не ставился, поскольку не обсуждался и даже маскировался сам милитаристский характер сталинской индустриализации. Речь шла о преодолении экономической отсталости СССР, о достижении экономической независимости от «капиталистического окружения», о прогрессивности роста рабочего класса и т. д. Применительно к коллективизации подчеркивалась производственная необходимость укрупнения, поскольку мелкий размер крестьянского хозяйства виделся главной причиной технической отсталости.

При этом в явной или неявной форме присутствовало утверждение, что Победой 1945 года страна обязана достижениям первых пятилеток. То есть необходимость подготовки страны к войне служила одним из аргументов для оправдания необходимости сталинского «большого скачка». Однако когда в постсоветской историографии был поставлен вопрос, существовала ли на рубеже 1920-х — 1930-х годов реальная угроза нападения на СССР, которая вынуждала бы правительство к повторению «военного коммунизма», весомых аргументов в пользу положительного ответа историки не нашли.

В современной аграрно-исторической литературе предлагается вернуться к «казалось бы, к уже поверженному в постперестроечной историографии факту о внешней угрозе СССР на рубеже 1920-х — 1930-х годов» (Кондрашин, 2012: 460). В качестве доказательств наличия внешних угроз предложено два соображения. Первое: «Как же тогда быть с реальным фактом страха Сталина в 1932 г. перед Польшей, вмешательство которой во внутренние дела СССР в случае углубления экономического и политического кризиса на Украине виделось неизбежным? <...> Сама Польская армия в начале 1930-х гг. представляла из себя грозную силу, учитывая состояние Красной Армии и тяжелый внутренний кризис в СССР» (Там же). Второе: «...Протоколы допросов японских генералов, захваченных в плен Советской армией в 1945 г. Из их содержания следует, что Япония готовилась к нападению на СССР, создав в 1931 г. для этого плацдарм в захваченной Маньчжурии. В декабре 1932 г., в пик кризиса хлебозаготовок, Япония отказалась подписать с Советским Союзом пакт о ненападении» (Там же).

Оба соображения представляются неубедительными. Во-первых, военные угрозы, возникшие в 1931–1932 годах по ходу осуществления сталинской коллективизации, даже если они были реальны и весомы, никак не могли служить ее предпосылкой. Тем более такие угрозы, о существовании которых стало известно лишь постфактум в 1945 году. Во-вторых, «реальный факт страха Сталина» характеризует состояние его психики, но не доказывает существование военной опасности для страны. Доводы против существования в период коллективизации внешней угрозы для СССР дает в других работах и сам В.В. Кондрашин. Так, объясняя, почему страны Запада покупали советский хлеб, не обращая внимания на голод в СССР, он пишет: «Главная причина «игнорирования» западными странами голодной трагедии на Украине в предвоенное десятилетие — это экономическая и военная сила СССР, прочность его политического режима, необходимость сохранения с которым нормальных отношений отвечала их национальным интересам» (Кондрашин, 2019: 234). Очевидно, что если в интересах стран Запада было сохранять с СССР нормальные отношения и если эти страны сами опасались военной силы СССР, то предполагать воз-

можность их нападения на СССР в этот период нет никаких разумных оснований.

Слухи о скором начале войны в 1920-е годы действительно периодически будоражили массовое сознание (Голубев, 2008). Особенно активно они распространялись в деревне. Так, столичные журналисты, совершившие летом 1923 года поездку по воронежской глубинке, застали активно циркулирующие слухи: «Англия объявила войну России (в мае), Франция избрала в цари Николая Николаевича, а вы скрываете»; «на Украине упал святой камень и спрятался»; в другом селении: «а) Война будто уже началась, б) Ленин умер, в) про камень — упал этот камень на то село, где были одни коммунисты, и всех придавило» (Шафир, 1924: 25, 45). Возвращавшиеся с ярмарки крестьяне уверенно отвечали на вопросы о войне: «Вам за счет войны, так это все известно. Уже бои идут. С Румынией. И можно наперед конец сказать». — «Какой?» — «Опасность большая, потому народу воевать надоело...» (Там же: 61). Ожидания войны в крестьянской среде отнюдь не служили средством мобилизации советского патриотизма, а выражали народные чаяния на скорое падение советской власти и избавление от большевистской диктатуры. В этом смысле страх Сталина имел определенные объективные основания, однако ему следовало бояться собственных крестьян, а не военного нападения других государств.

Сталинская индустриализация велась, однако, не ради войны с крестьянством, наоборот, начиная коллективизацию, Сталин шел на риск повторения гражданской войны ради форсирования индустриализации, цель которой для него, очевидно, лежала в иной плоскости — в геополитике. Победа концепции «социализма в одной стране», которую отстаивал Сталин во внутрипартийной борьбе, не означала отказа от надежд на мировую революцию. Она продолжала присутствовать и в деятельности Коминтерна, и в официальной пропаганде, и в общественном сознании 1930-х годов, в котором ее уловил советский романтик Павел Коган, мечтавший «дойти до Ганга» и умереть в боях, «чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя». Изучение внешнеполитических и военных доктрин советского руководства 1930-х годов остается перспективной задачей исторической науки, но и сегодня достаточно ясно, что Красная Армия, оснащенная современным вооружением, опирающаяся исключительно на внутреннюю производственную базу, мыслилась не только и не столько защитой от нападения, но инструментом коммунистической геополитики в широком смысле.

Резкое ускорение индустриализации СССР, очевидно, было связано с началом «Великой депрессии». Мировой экономический кризис, с одной стороны, порождал ожидания новой европейской (мировой) войны, с которой коммунистами связывались надежды на подъем мирового революционного процесса, и Со-

ветский Союз не смог бы остаться в стороне. С другой стороны, кризис означал падение цен и создавал для СССР возможности удешевления импорта оборудования, техники и технологий. Существенно возросла и заинтересованность западного капитала в экономическом сотрудничестве с СССР. Разумеется, кризис обрушил и цены на хлеб, сельхозпродукцию и другие экспортные товары, но этот факт лишь подталкивал советское правительство к увеличению вывоза, чтобы объемом компенсировать падение цен. Хлеб был основным экспортным товаром. Закупки техники совершались в кредит, необходимость их погашения требовала от Сталина гнать хлеб на экспорт в определенные временные интервалы. Отсюда возникали уже многократно цитированные в литературе указания «форсировать вывоз хлеба вовсю», «бешено форсировать вывоз» и т. д., которые Сталин посылал соратникам в период своего отпуска в 1930 году — он спешил опередить выход на европейский рынок американского зерна (Гинцберг, 1999). «Сталину для решения не требующих отлагательств нужд флагманов первых пятилеток требовалось продать за границей два урожая — 1930 и 1931 годов», — считает В.В. Кондрашин (Кондрашин, 2012: 461). С.С. Маслов замечал: «В селе идет безжалостное отчуждение государством зерна — с каждым годом все больше и все строже. В 1931 и 1932 годах власть ищет его, как клад. <...> В свой социалистический поход против крестьянского хозяйства партия двинулась из-за хлеба, как аргонавты древнегреческого мифа отправились в Колхиду за золотым руном. «Зерновая проблема» была единственной, которая волновала ее» (Маслов, 2007: 112, 116). Логично, что основной удар коллективизации, раскулачивания и самых жестоких хлебозаготовок пришелся на самые хлебородные регионы страны. Они же в 1932–1933 годах оказались эпицентрами голода.

По уточненным расчетам А.П. Бабенышева, использовавшего все имеющиеся демографические источники, повышенная убыль населения СССР из-за коллективизации и вызванного ею голода составила около 10 млн человек, из которых погибли около 5 млн человек: Украина — 1,9 млн; Казахстан — около 1 млн; Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Центрально-Черноземная область и другие районы РСФСР — около 1,2 млн; погибли в ходе раскулачивания и депортаций — 0,7 млн человек; 5,2 млн составили косвенные потери за счет повышения коэффициента смертности из-за ухудшения питания и условий жизни (Максудов, 2019: 394–395). В литературе имеются и более высокие оценки, но они менее обоснованны.

Голод не был повсеместным, жители столиц и крупных промышленных центров его не испытали, ощущая лишь повышенный дефицит продовольствия, голодающие сельские районы оцеплялись войсками и ОГПУ, информация о голоде была секретной (до 1989 года), распространение слухов о нем каралось, сообщения

о нем в иностранной прессе опровергались ТАСС. Сильнейший голод охватил Украину, но что могли видеть, например, жители ее столицы? Бывший рабочий Харьковского паровозостроительного завода А.Т. Иат в 1989 году вспоминал: «Заводской комитет ВЛКСМ всегда после рабочей смены посылал нас в милицию как дружинников. В милиции нас разделяли на группы по 4–6 человек. Одних заставляли рыть яму на кладбище, а других милиционер брал на грузовую машину, и приезжали на улицу, где был коммерческий хлебный магазин, где подбирали человеческие трупы умерших от голода. Милиционер проверял на предмет живой или мертвый и командовал: «Кидайте!» Мы брали за руки и ноги и кидали в кузов, привозили на кладбище, где яма была уже готова... и ехали обратно, уже на другую улицу, к другому магазину. Так мы работали до 24 часов, пока не приходила вторая смена... Всегда к утру в столице Харькове было чисто... С нас брали подписку о неразглашении этой тайны. За это нам платили по целой буханке черного хлеба, и мы были очень довольны этой платой. Это продолжалось примерно до половины мая 1933 года»[2]. Харьковский паровозостроительный завод в это время выпускал быстроходные колесно-гусеничные танки, в частности в 1931–1933 годах изготовил более 600 БТ-2 и перешел на выпуск БТ-5. Сталинская индустриализация была ориентирована на выпуск именно такого рода конечной продукции; миллионы умерших от голода крестьян, по-видимому, следует отнести на счет «издержек» социалистического производства.

Таким образом, коллективизация, помимо доктринальной обусловленности, имела сугубо прикладное значение как средство решения задач индустриализации. При этом надо иметь в виду, что характер самой индустриализации, форсированный и милитаризированный, также был связан с особенностями геополитической доктрины, или, говоря шире, картины мира правящего в СССР слоя. Его нельзя объяснить необходимостью подготовки страны к Великой Отечественной войне, которую тогда никто не мог предвидеть, — в его основе лежали утопические мечты коммунистов о Советском Союзе «от Японии до Англии» с Гангом в придачу.

Крестьянский менталитет и институциональные предпосылки коллективизации

В Революции 1917 года присутствовала мощная составляющая крестьянского движения, что позволяет историкам говорить о ней как о Крестьянской революции. Однако с этой точки зрения правомерен вопрос: почему аграрная революция 1917 года не приве-

2. Архив газеты «Сельская жизнь», копия — личный архив автора.

ла к реализации крестьянских идеалов, но была использована для индустриализации? Почему в 1921 году крестьянское сопротивление заставило большевиков отказаться от коммунистической политики, а в начале 1930-х этого не произошло? Хотя сопротивление коллективизации было сильным (Виола, 2010; Ивницкий, 1996: 148–163 и др.). Объяснения, что у крестьян не было оружия, Красная Армия была изолирована от деревни, а в деревне коллективизация имела опору из активистов и молодежи (Кондрашин, 2012: 462) представляются верными, но последний тезис требует углубления.

Опыт чтения писем, приходивших в середине 1920-х годов из деревни в редакцию «Крестьянской газеты» (Литвак, 1994; Кузнецов, 1999), позволяет сделать ряд наблюдений. Во-первых, со страниц писем встает образ неизбывной деревенской бедности. Во-вторых, вырисовывается вполне антикрестьянский характер экономической политики правительства, проводимой даже в разгар НЭПа. В-третьих, письма создают картину сильно фрагментированного деревенского социума, с присущей ему внутренней конфликтностью, которая совершенно не вмещается в парадигму «классовой борьбы»: конфликты соседей на почве земельных, имущественных и личных отношений, зачастую уходящие корнями в прошлое, внутрисемейные конфликты, жалобы на представителей местной власти и т. д. В-четвертых, звучит стремление молодой и активной части крестьян к радикальным переменам, готовность покончить с крестьянствованием, уйти из деревни, в которой царят неизбывная бедность, конфликты и несправедливость. Почта партийной газеты, ориентированной на пропаганду среди крестьян, разумеется, нерепрезентативна для количественного изучения общественного мнения, однако она помогает расслышать голоса крестьян, понять их логику и мотивы.

Победившая аграрно-крестьянская революция не принесла крестьянину-земледельцу центральной части страны решения коренных проблем, в основе которых лежало аграрное перенаселение. Общее обеднение деревни из-за продразверстки и войны, восстановление передельной общины со всеми ее агротехническими недостатками, послевоенный демографический скачок, открывший перспективы дальнейшего измельчания наделов, лишь усугубляли проблемы. Деревня, выступившая единой в момент «черного передела», уже в ходе Гражданской войны порой оказывалась расколотой, и этот раскол затем сохранялся. Работавшие до Революции социальные лифты — обогащение за счет предпринимательства, укрупнение собственного хозяйства, уход в город, переключение на несельскохозяйственные источники доходов — перестали работать или резко замедлились. Страдающий все 1920-е годы от безработицы город не вмещал избыточные рабочие руки. Предпринимательство сверх определенной властью невысокой планки административно пресекалось, обогащение тормозилось также

и узостью рынка. Отсутствие перспектив социальной мобильности особенно остро переживала молодежь. Между тем к началу коллективизации около двух третей сельского населения составляли люди до 25 лет, которые «духовно формировались под воздействием революции, советской власти и коммунистической партии» (Данилов, 1977: 25). Проникновение социалистических идей в годы НЭПа в умы части крестьянской молодежи, то есть младших, подчиненных членов крестьянской семьи, еще не бывших собственно крестьянами-хозяевами, думается, не стоит недооценивать.

Таким образом, крестьянство в конце 1920-х годов было уже не тем, что в 1917 году или в начале 1920-х, претерпев сильные перемены и в своем персональном составе, и в своем ментальном состоянии. Для значительного числа крестьян к этому времени просто не сформировалось достаточно привлекательной перспективы, образа будущего в рамках существующего хозяйственного строя. Путь индивидуального обогащения был возможен не для всех, и привлекал не всех, но что в таком случае ожидало остальных, было неясно. Среди бедноты существовал слой озлобленных и обиженных, мечтавших «доделать революцию», прорваться к власти, получить преференции, свести старые счеты. Часть крестьян разделяла социалистические иллюзии, и в социалистическом строительстве видела для себя социальные лифты, позволяющие подняться из скудного деревенского мира к светлому будущему. Хотя в массе своей крестьянство не поддерживало коллективизацию, надо признать, что в деревне существовал некоторый более или менее значительный слой, который стал ее социальной опорой.

Следует поставить и другой вопрос: что могло быть для нее преградой? Очевидно, что демократическое государство, опирающееся на большинство или на некий общественный консенсус, никогда не приняло бы политику коллективизации. Однако советское государство имело иной характер. С этой точки зрения интересен факт огромного для малограмотной страны потока писем, который шел в 1920-е годы в газету, а также непосредственно вождям и в высшие органы власти. Только для «Крестьянской газеты» он исчислялся десятками тысяч в месяц. Обращались по самым разным вопросам, от просьб о помощи в конкретных жизненных ситуациях и разнообразных жалоб до изложения альтернативных социально-политических программ. Крестьяне явно искали каналы обратной связи с «властью» в условиях отсутствия нормальных демократических институтов. Стремление к диалогу с властью не удивительно, оно было разбужено демократическими потенциями самой революции. Однако правомерно ли трактовать его как запрос в крестьянской среде на политическую демократию? Беспредельное многообразие тематики и характера крестьянских обращений в газету показывает скорее, что их авторы имели весьма примитивное представление об устройстве го-

сударства как о единой, неограниченной и всесильной власти. «Высшая власть», к которой апеллировали крестьяне, должна выслушать каждого, прийти, решить все проблемы. Для этого она должна быть поистине тотальной — такой она при Сталине в итоге и сделалась.

Ограничителями, которые не позволяют государству приобрести характер тоталитарного, очерчивая границы компетенции государственной власти, прежде всего выступают институты права и собственности. В крестьянском массовом сознании, как оно предстает по письмам «во власть», представления об этих институтах были слабы, размыты или отсутствовали. На традиционное для Российской империи отчуждение крестьянства от гражданского правового строя указывал еще С.Ю. Витте, видевший в этом опасность грядущих социальных потрясений. Думается, он был прав, и отсутствие в крестьянском менталитете понятий о праве и собственности придало российской революции столь радикально социалистический и разрушительный характер. Те же особенности менталитета и политической культуры не позволили выстроить барьеры — правовые, институциональные, ментальные, — которые препятствовали бы коллективизации, а без них крестьянскому сопротивлению не на что было опереться.

Рассмотренные в статье предпосылки и факторы коллективизации систематизируют накопленный в историографии материал и некоторые авторские наблюдения над источниками, но далеко не исчерпывают всех аспектов проблемы, которая, несомненно, будет и дальше привлекать исследователей аграрной истории.

Библиография

Бруцкус Б.Д. (1995). Советская Россия и социализм. СПб.: Звезда.

Виола Л. (2010). Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН.

Воронцов В.П. (2008). Экономика и капитализм: Избранные сочинения / Вступ. статья и сост. А.И. Кравченко. М.: Астрель.

Г.А.В.О. (1875). Заметки об улучшении крестьянского земледелия в средней нечерноземной полосе России посредством земледельческой крестьянской артели // Земледельческая газета. № 4. С. 50–54.

Гертц Ф.О. (1900). Аграрные вопросы / Предисл. Э. Бернштейна; пер. А. Ильинского; ред. Д. Протопопова. СПб.: Издание т-ва «Знание».

Гинцберг Л.И. (1999). Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. № 10. С. 119–126.

Голубев А.В. (2008). Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. № 1. С. 36–58.

Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука.

Ивницкий Н.А. (1996). Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). 2-е изд. М.: Магистр.

Ильиных В.А. (2010). Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х годов в Сибири). М.: РОССПЭН.

Карпачев М.Д. (1991). Истоки российских революций: легенды и реальность. М.: Мысль.

Карышев Н.А. (1905). Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М.: Тип. т-ва. Сытина.

Карышев Н.А. (1889). Прикладная политическая экономия. Ч. 1. Экономия сельского хозяйства. М.

Кедров Н.Г. (2014). Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства // Вопросы истории. № 3. С. 154–171.

Кедров Н.Г. (2016). Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. № 1 (9). С. 173–185.

Кедров Н.Г. (2017). Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. № 1 (4). С. 12–16.

Кедров Н.Г. (2019). Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.

Кондрашин В.В. (2012). Сталинская коллективизация и голод 1932–1933 гг. в СССР: причины и региональные особенности // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск. С. 457–468.

Кондрашин В.В. (2019). Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР на постсоветском пространстве и в современной западной историографии // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом. Доклады Международной научно-практической конференции. М. С. 232–241.

Коцонис Я. (2006). Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: НЛО.

Кузнецов И.А. (1999). Фонд писем «Крестьянской газеты»: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 2. С. 70–84.

Литвак К.Б. (1994). Жизнь крестьянина 20-х гг.: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука. С. 186–203.

Литошенко Л.Н. (2001). Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Максудов С. (2019). Победа над деревней: демографические потери коллективизации. М.; Челябинск: Социум.

Маслов С.С. (2007). Колхозная Россия. М.: Наука.

Островский А.В. (2016). Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Рыков А.И. (1990). Индустриализация и хлеб (Доклад на собрании актива Ленинградской парторганизации 30 ноября 1928 г.) // Он же. Избранные произведения / Редкол.: Л.И. Абалкин и др. М.: Экономика. С. 418–452.

Стебут И.А. (1906). Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. СПб.: Тип. Киршбаума.

Творцы кооперации (1991): Сборник / Сост Л.А. Самсонов. М.: Московский рабочий.

Финал артельной маниловщины последнего издания (1899) // Хозяин. № 27. Стб. 926–929.

Чаянов А.В. (1991). Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука.

Шафир Я.М. (1924). Газета и деревня. М.; Л.: Красная новь.

Prerequisites for the collectivization of agriculture in the USSR

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

The article considers historiographic issues in the study of reasons and factors that determined the agricultural collectivization in the USSR in the 1930s. The article is a kind of a review which aims at systematizing the data accumulated in the Russian scientific historical literature and the author's studies of historical sources. The author identifies a number of prerequisites for collectivization: the ones external to the peasantry (village, agriculture) explain motives of the political choice made by the Soviet government at the turn of the 1920s — 1930s in favor of collectivization. These external prerequisites are divided into doctrinal and pragmatic. The doctrine that determined collectivization was socialism, and the author identifies the place of the radical communist idea of the Bolsheviks among other Russian socialist projects for uniting peasants into production collectives since the last quarter of the 19th century. Pragmatic prerequisites for collectivization were determined by the government's goal to obtain agricultural resources for industrialization and militarization of the national economy in the quantities that would exceed possibilities of the equivalent market exchange. Collectivization did have prerequisites within the village community, which allow to understand why this political course was implemented — the author focuses on the peculiarities of the mentality and political culture of the Russian peasantry.

Key words: agrarian history, collectivization, socialism, peasantry, industrialization in the USSR

References

Brutskus B.D. (1995) *Sovetskaya Rossiya i sotsializm* [Soviet Russia and Socialism], Saint Petersburg: Zvezda.

Viola L. (2010) *Krestyansky bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kultura krestyanskogo soprotivleniya* [Peasant Revolt under Stalin: Collectivization and Culture of Peasant Resistance], Moscow: ROSSPEN.

Vorontsov V.P. (2008) *Ekonomika i kapitalizm: Izbrannye sochineniya* [Economics and Capitalism: Selected Essays]. Vstup. statya i sost. A.I. Kravchenko, Moscow: Astrel.

G.A.V.O. (1875) Zametki ob uluchshenii krestyanskogo zemledeliya v srednej nechernozemnoj polose Rossii posredstvom zemledelcheskoj krestyanskoj arteli [Notes on the improvement of the peasant agriculture in the Middle Non-Black-Earth regions of Russia with the peasant artel]. *Zemledelcheskaya gazeta,* no 4, pp. 50–54.

Gertts F.O. (1900) *Agrarnye voprosy* [Agrarian Issues]. Predisl. E.Kh. Bernshteina; per. A. Ilyinskogo; red. D. Protopopova, Saint Petersburg: Izdanie tovarischestva "Znanie".

Gintsberg L.I. (1999) Massovy golod v sochetanii s eksportom khleba v nachale 30-kh godov. Po materialam "osobykh papok" politbyuro TsK VKP(b) [Mass famine as combined with the grain export in the early 1930s. Based on the data from the 'special folders' of the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU (b)]. *Voprosy istorii,* no 10, pp. 119–126.

Golubev A.V. (2008) Sovetskoe obshhestvo i "voennye trevogi" 1920-kh gg. [Soviet society and 'war fears' in the 1920s.]. *Otechestvennaya istoriya,* no 1, pp. 36–58.

Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepolzovanie, khozyajstvo* [Soviet Pre-Collective-Farm Village: Population, Land Use, Economy], Moscow: Nauka.

Ivnitsky N.A. (1996) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and Dekulakization (in the Early 1930s)]. 2-e izd., Moscow: Magistr.

Ilyinykh V.A. (2010) *Khroniki khlebnogo fronta (zagotovitelnye kampanii kontsa 1920-kh godov v Sibiri)* [Chronicles of the Grain Front (Procurement Campaigns of the Late 1920s in Siberia)], Moscow: ROSSPEN.

Karpachev M.D. (1991) *Istoki rossijskikh revolyutsij: legendy i realnost* [Origins of the Russian Revolution: Legends and Reality], Moscow: Mysl.

Karyshev N.A. (1905) *Iz literatury voprosa o krupnom i melkom selskom khozyajstve* [From the Literature on the Large and Small-Scale Agriculture], Moscow: tipographiya tovarischestva Sytina.

Karyshev N.A. (1889) *Prikladnaya politicheskaya ekonomiya*. Ch. 1: Ekonomiya selskogo khozyajstva [Applied Political Economy. Part 1. Economy of Agriculture], Moscow.

Kedrov N.G. (2014) Zamknuty krug rossijskoj istoriografii kollektivizatsii krestyanstva [The vicious circle of the Russian historiography of the peasant collectivization]. *Voprosy istorii*, no 3, pp. 154–171.

Kedrov N.G. (2016) Stalinskaya istoriograficheskaya model osmysleniya kollektivizatsii rossijskogo krestyanstva [Stalin's historiographical model of the Russian peasant collectivization]. *Peterburgsky istorichesky zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshhej istorii,* no 1, pp. 173–185.

Kedrov N.G. (2017) Rossijskaya istoriografiya kollektivizatsii krestyanstva: problemy izucheniya [Russian historiography of the peasant collectivization: Research issues]. *Vestnik VGU. Seriya: Gumanitarnye, obshhestvennye, pedagogicheskie nauki*, no 1, pp. 12–16.

Kedrov N.G. (2019) Chetyre kontseptsii kollektivizatsii V.P. Danilova [Viktor Danilov's four theories of collectivization]. *Russian Peasant Studies,* vol. 4, no 3, pp. 6–42.

Kondrashin V.V. (2012) Stalinskaya kollektivizatsiya i golod 1932–1933 gg. v SSSR: prichiny i regionalnye osobennosti [Stalin's collectivization and famine of 1932-1933 in the USSR: Causes and regional features]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: Tipologiya i osobennosti regionalnogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoj Evropy X–XXI vv.*, Moscow–Bryansk, pp. 457–468.

Kondrashin V.V. (2019) Metody i issledovatelskie praktiki politizatsii i falsifikatsii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR na postsovetskom prostranstve i v sovremennoj zapadnoj istoriografii [Methods and research practices of politicization and falsification of the Soviet famine of 1932-1933 in the post-Soviet space and in the contemporary Western historiography]. *Istoriya sovremennosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatelskie praktiki v Rossii i za rubezhom,* Moscow, pp. 232–241.

Kotsonis Ya. (2006) *Kak krestyan delali otstalymi: Selskokhozyajstvennye kooperativy i agrarny vopros v Rossii 1861–1914* [How Peasants Were Made Backward. Agricultural Cooperatives and Agrarian Question in Russia in 1861–1914], Moscow: NLO.

Kuznetsov I.A. (1999) Fond pisem "Krestyanskoj gazety": istochnikovedchesky aspekt [The letters fund of the *Peasant Newspaper:* Source studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 2, pp. 70–84.

Litvak K.B. (1994) Zhizn krestyanina 20-kh gg.: sovremennye mify i istoricheskie realii [The life of the peasant in the 1920s: Contemporary myths and historical realities]. *NEP: priobreteniya i poteri,* Moscow: Nauka, pp. 186–203.

Litoshenko L.N. (2001) *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of Land in Russia], Novosibirsk: Sibirsky khronograf.

Maksudov S. (2019) *Pobeda nad derevnej: demograficheskie poteri kollektivizatsii* [Victory over the Village: Demographic Losses of Collectivization], Moscow– Chelyabinsk: Sotsium.

Maslov S.S. (2007) *Kolkhoznaya Rossiya* [Collective-Farm Russia], Moscow: Nauka.

Ostrovsky A.V. (2016) *Rossijskaya derevnya na istoricheskom pereputie. Konets XIX — nachalo XX v.* [Russian Village at the Historical Crossroads. Late 19th — early 20th Century], Moscow: Tovarishhestvo nauchnykh izdanij KMK.

Rykov A.I. (1990) Industrializatsiya i khleb (Doklad na sobranii aktiva Leningradskoj partorganizatsii 30 noyabrya 1928 g.) [Industrialization and grain. Report at the meeting

of active members of the Leningrad Party organization on November 30, 1928]. *Izbrannye proizvedeniya.* Redkol.: L.I. Abalkin i dr., Moscow: Ekonomika, pp. 418–452.

Stebut I.A. (1906) *Neskolko myslej i soobrazhenij po povodu agrarnogo voprosa* [Some Ideas and Considerations on the Agrarian Question], Saint Petersburg: tipographiya Kirshbauma.

Tvortsy kooperatsii (1991): Sbornik [Creators of Cooperation: Collection of articles]. Sost. L.A. Samsonov, Moscow: Moskovsky rabochy.

Final artelnoj manilovshhiny poslednego izdaniya (1899) [Ending of the Last Version of the *Artel* Utopia]. *Khozyain,* no 27, pp. 926–929.

Chayanov A.V. (1991) *Osnovnye idei i formy organizatsii selskokhozyajstvennoj kooperatsii* [Main Ideas and Forms of Organization of Agricultural Cooperation], Moscow: Nauka.

Shafir Ya.M. (1924) *Gazeta i derevnya* [Newspaper and Village], Moscow; Leningrad: Krasnaya nov.